

Л. Г. ШЕХОЯН

ИРАНСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ О ПРОБЛЕМЕ ОБНОВЛЕНИЯ ПЕРСИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В конце 19 века начинается новый этап в развитии персидской литературы, вызванный теми значительными общественно-политическими изменениями, которые происходили в Иране в то время: усиление проникновения иностранного капитала в страну, развитие буржуазных отношений, антиимпериалистическое национально-освободительное движение, борьба за демократизацию порядков в стране.

Эти сдвиги вносили новое содержание в общественную жизнь страны, открывали новые перспективы ее развития.

Передовые литераторы Ирана все больше и больше начинали понимать, что персидская литература должна быть теснее связана с жизнью, с ее задачами. Это и привело их к мысли о необходимости обновления персидской литературы. В конце 19 века поборниками обновления персидской литературы выступали вслед за Мирза Фатали Ахундовым писатели-просветители Мирза Мальком хан, Зейн оль-Абедин Марагеи и Абдуррахман Талибов.

С конца 10-х годов 20-го века идеи литературных преобразований получают широкое распространение. Вокруг этих идей в литературных кругах начинаются споры и дискуссии.

В целях пропаганды своих реформаторских идей сторонники обновления издают журналы и газеты. В борьбу за идеи обновления литературы включаются члены общества «Данешкаде». В уставе общества его цели сформулировались так: «стимулирование развития литературы и основание нового (литературного) стиля в Иране»¹.

С 1919 года в Тавризе издается газета «Азадисетан», провозглашающая себя сторонницей обновления литературы. За преобразование персидской литературы ратовала и газета «Таждадод» (издававшаяся в Тавризе). Статьи, посвященные проблеме обновления литературы, часто появлялись также в газете «Шафаге сорх».

Однако надо отметить, что некоторые литераторы высказывали отрицательные мнения относительно реформы персидского стиха. Но свое отношение они выражали не прямо, а в виде опасений о последствиях преобразований для литературы. Так, редактор журнала В. Даггарди опубликовал две статьи, посвященные проблеме обновления—«Литературное обновление или литературная революция» и «Литературная революция, поэт-революционер».

В последней он, в частности, писал: «Обновление станет причиной развития вспять, падения и смерти литературы»² или же «литературное обновление в Иране означает разрушение величественного здания поэзии и очевидную смерть любимой литературы»³.

Иные из консерваторов объявляли себя сторонниками литературных преобразований, но считали необходимым провести эти преобразования только в области формы. Так, в статье «Литературная революция» Л. Суратгар писал: «Стихотворение создается только для отдыха. Именно с такой целью творили великие поэты Ирана Фирдоуси и Саади»⁴. И, считая поэзию только предметом отдыха и наслаждения, Л. Суратгар на-

¹ Журнал «Данешкаде», 1918, № 1, редакционная статья «Наши цели».

² В. Даггарди, Литературная революция, поэт-революционер, журн. «Арм-ган», 1921, № 4, стр. 2.

³ Там же, стр. 4.

⁴ Л. Суратгар, Литературная революция, газ. «Шафаге сорх», 1927—1928, декабрь, № 821, стр. 3.

ходил, что «в поэзии допустимо обновление лишь традиционных, успевших надоесть читателю образов и сравнений». «Ибо,—писал он,—когда поэзия материализуется (т. е. приобретает общественное звучание — Л. Ш.), она теряет свою свежесть и красоту»⁵.

Однако объявлять себя сторонником обновления литературы и отрицать необходимость обновления ее содержания означало не признавать ее общественной роли и значения, рассматривать ее лишь как предмет забавы и, фактически, противостоять ее преобразованию в целом.

Таким образом, литераторы, отрицающие целесообразность литературных преобразований выступали по существу именно против обновления идейного и общественно-го содержания литературы. Об этом говорит их отношение к двум таким новаторским произведениям начала века, как роман З. Марагеи «Дневник путешествия Ибрагим-бека» и сборник рассказов нового типа М. Джамал-заде «Были и небылицы». Первый сразу после издания в Каире был в Иране запрещен, а второй долгое время не признавался иранской критикой.

И такое отношение не случайно, потому что литераторы-реформаторы связывали необходимость обновления с уже совершенными или предстоящими общественными преобразованиями.

Так, редактор газеты «Азадисетан», поэт и публицист Таги Рефат в статье «Обновление в литературе» писал: «Простая и очевидная истина, что обновление идей и чувств требует обновления литературы»⁶.

Связывал литературные преобразования с изменениями общественной жизни страны и М. Бахар. Он писал: «Для реформы литературы нужно сначала преобразовать ту среду, в которой мы живем, потому что само изменение и преобразование среды в свою очередь станет причиной литературных преобразований и революций»⁷.

Замечателен тот факт, что реформаторы особенно подчеркивали необходимость обновления содержания литературы, сближения ее с жизнью, ее служения общественным задачам.

Однако надо отметить, что некоторые сторонники литературных преобразований общественную роль литературы понимали в просветительском аспекте и акцентировали это ее значение. Именно так представлял себе общественную значимость литературы известный писатель-новеллист Мохаммед Джамал-заде⁸.

Главную задачу литературы он видел в ее служении «духовному прогрессу», в распространении знаний «научного, философского и бытового характера»⁹.

Сознание общественной значимости (пусть однобокое) литературы было наиболее значительной стороной мировоззрения реформаторов. Оно свидетельствует, что уже в конце десятых годов среди персидских литераторов проявилось сознательное, целенаправленное отношение к творчеству, отношение, которое при передовой направленности становится основой для формирования реалистической тенденции в литературе.

При поисках путей воплощения нового содержания, изобразительных средств для создания литературы нового типа перед реформаторами возникла проблема отношения к классическому наследию: какое место должно занимать оно в литературе нового типа, могут ли его изобразительно-стилевые и жанровые средства быть использованы для ее создания, как и в какой мере?

И именно по этому пункту взгляды реформаторов расходились. Группа сторонников литературных преобразований считала, что традиционные изобразительные и жанровые средства персидской литературы исчерпали свои возможности, нужно наотрез от-

⁵ Там же.

⁶ Газета «Азадисетан», 1920, № 3, стр. 31.

⁷ М. Бахар, Влияние среды на литературу, журн. «Данешкаде», 1918, № 5, стр. 227.

⁸ Об этом см. и в предисловии А. Болотникова к сб. рассказов М. Джамал-заде «Были и небылицы», М., 1936, стр. 111.

⁹ Там же, предисловие автора, стр. 26—27.

казаться от них и при создании литературы нового типа пользоваться новыми средствами.

Такого мнения придерживались литераторы, группировавшиеся вокруг газеты «Таджаддод». Они, полемизируя с членами литературного общества «Данешкаде», классическую литературу Ирана сравнивали с развалинами Мединна и заявляли, что «...старое и величественное здание (литературы) утратило свое значение»¹⁰.

Такое отношение сотрудников «Таджаддод» к классическому наследию было вызвано сознанием того отрицательного, подавляющего влияния, которое оказывали окостеневшие, отжившие свой век литературные традиции, препятствуя развитию нового, передового в персидской литературе. Но, справедливо критикуя отжившее и устаревшее в классическом наследии, они игнорировали то вечно ценное, творчески жизненное, что содержалось в нем.

Однако отрицать значение классического наследия и призывать к созданию литературы нового типа лишь новыми средствами означало строить воздушные замки, отрывая литературу от своей почвы.

Нигилистические взгляды сотрудников газеты «Таджаддод» о классической литературе не нашли поддержки и распространения среди реформаторов. Наоборот, они встретили резкую критику со стороны большинства сторонников обновления. Критически относясь к классическому наследию, сторонники преобразований отмечали, что средства и традиции классической литературы должны стать тем фундаментом, на котором воздвигнется здание новой литературы.

Такой точки зрения придерживались члены литературного общества «Данешкаде», сотрудники газеты «Азадисетан» и др.

Редактор журнала «Данешкаде» М. Бахар лучшие произведения классической литературы называл «вечно новыми творениями».

Он изобразительные средства классической литературы считал тем «строительным материалом», без которого создаваемая новая литература не может обойтись¹¹. В другой статье «Влияние среды на литературу», разъясняя свои взгляды о применении средств классической литературы для новых целей, М. Бахар писал: «Необходимо уточнить недостатки, значение и применимость этих (классических.—Л. Ш.) принципов и канонов и приспособить их к духу культуры века, к требованиям среды и времени»¹².

Как мы видим, М. Бахар понимал, что средства и каноны классической литературы должны применяться в новых целях не механически, без изменений, а в творчески развитом и приспособленном к требованиям и задачам времени виде.

Вместе с тем, сторонники использования лучших средств классического наследия сознавали, что при создании литературы нового типа невозможно обойтись только этими средствами и считали необходимым обогащать персидскую литературу новыми жанрами и формами.

Редактор «Азадисетана» Таги Рефат необходимость обновления форм литературы обосновывал новым ее содержанием. Он писал: «Мы считаем невозможным представление о том, что при изменении содержания какого-либо явления форма его не изменялась»¹³.

Как явствует из приведенной цитаты, Т. Рефат весьма тонко понимал вопросы формы и содержания литературы, их взаимообусловленность и взаимосвязь.

Вопрос преобразования поэтических форм персидской литературы более обстоятельно и конкретно был рассмотрен М. Бахаром и М. Джамал-заде.

Основным условием создания литературы нового типа М. Бахар считал обновление форм литературы. В статье «Каноны литературы» он указывал, что необходимо «по примеру французских писателей-романтиков освободить поэзию и прозу» от оков схоласти-

¹⁰ М. Бахар, О наших целях, журн. «Данешкаде», 1918, № 3, стр. 116.

¹¹ Там же, стр. 121.

¹² Журн. «Данешкаде», 1918, № 5, стр. 232.

¹³ Т. Рефат, Обновление в литературе, газ. «Азадисетан», 1920, № 3, стр. 31.

ческих литературных канонов и, в частности, предлагал пересмотреть некоторые окостеневшие правила поэзии.

Он писал: «Если мы не захотим отвлечься от тех канонов, которые оставлены нашими предками нам в наследство и замкнемся в их рамках, то мы никогда не освоим нового содержания, не достигнем и высокого развития. Мы должны ввести тысячу размеров в наше стихосложение»¹⁴.

По мнению М. Бахара, устаревшие, ставшие помехой для развития поэзии каноны надо устранить постепенно, заменяя их новыми, отвечающими духу времени правилами и формами. «В процессе реформы,—писал он,—постепенно отстраняя наши устаревшие формы, мы заменим их более верными канонами, более простыми и более полезными правилами, которые соответствовали бы нашей сегодняшней жизни»¹⁵.

Характерно одно: большинство реформаторов, дискутируя по вопросу обновления форм персидской литературы, затронули лишь область поэзии, почти не касаясь вопросов прозы. И это не случайно. В персидских литературных кругах вплоть до середины нашего века прозу рассматривали как второстепенный, второсортный жанр, который еще как-то не завоевал своего места в художественной литературе. Об этом говорит тот факт, что в 20-х годах в прессе появились статьи, обсуждающие вопрос о месте прозы в художественной литературе.

Так, в 1921 г. в нескольких номерах журнала «Армаган» печаталось своеобразное произведение В. Дастгарди «Моназире шер о наср» («Спор стихотворения с прозой») ¹⁶.

В нем спор сводится к тому, чтобы показать превосходство поэзии над прозой. Моназире кончается заметкой автора:

«زندہ باد شعر، جاودان باد شعر، پاینده باد فصاحت و بلاغت»

«Да здравствует поэзия, да будет вечной поэзия, да здравствует красноречие!»¹⁶.

Взгляд на прозу, как на второсортный жанр художественной литературы, был высказан также и в статье Насери, опубликованной в журнале «Аянде» под названием «Для распространения идей поэзия лучше или проза?»¹⁷.

Уже сама постановка такого вопроса наглядно показывает, каково было отношение к прозе как к жанру художественной литературы.

Но, несмотря на распространенность подобного взгляда, в 20-х годах в литературных кругах Ирана раздавались голоса в защиту прозы, обсуждались вопросы ее развития. Так, в первом номере журнала «Армаган» за 1925 год вышла статья Дехкана Кермани «Революционные прозаики», в которой автор критиковал журнал за недостаточное внимание к вопросам прозы в ходе обсуждения проблемы обновления литературы. Автор статьи указывал, что тенденции обновления и ее промахи более отчетливо отражаются в области прозы.

Критикуя персидских прозаиков (не называя имен) за слепое подражание произведениям европейских литератур, Кермани в то же время не указывал путей обновления прозы¹⁸.

Вопросы развития и обновления прозы обстоятельно рассмотрены в предисловии М. Джамал-заде к его сборнику рассказов «Были и небылицы», предисловие, которое в 20-х годах звучало как манифест современной иранской прозы.

Касаясь вопроса обновления форм персидской литературы и обогащения ее новыми жанрами, он особенно подчеркивал необходимость развития прозаических жанров, а именно романа и рассказа, указывая, что, пользуясь этими жанровыми формами, можно лучше раскрыть насущные проблемы, дать представление о внутренней жизни разных стран.

¹⁴ «Данешкаде», 1918, № 9, стр. 456.

¹⁵ М. Бахар. Влияние среды на литературу журн. «Данешкаде», 1918, стр. 232.

¹⁶ Журнал «Армаган», 1921, № 12, стр. 11.

¹⁷ Журнал «Аянде», 1925, № 10, стр. 4.

¹⁸ Журнал «Армаган», 1925, № 1, стр. 7.

«Наилучшим средством к преуспеванию нашей литературы,— писал он,— может быть только одно: пусть наши ученые и мыслители вместо подражания касыдам и газелям древних и средневековых авторов начнут сами творить во всех областях литературы как прозаической, так и поэтической, особенно же в области повествования, являющегося показателем состояния литературы той или иной страны»¹⁹.

Но обновление содержания и форм существующими языковыми средствами не было возможно, так как язык персидской литературы отличался крайней сложностью, запутанностью, витиеватостью.

Сознавая это, все литераторы-реформаторы выступали с требованием демократизации, упрощения языка литературы, сближения ее с жизнью.

Как же представляли себе пути обновления языка персидской литературы реформаторы?

Так, М. Бахар считал, что для обновления языка персидской литературы, прежде всего, нужно воскресить простой стиль классиков Рудаки, Саади и др.

«Последователи Саади,— писал он,— совершили большое преступление в области прозы... простые, неприукрашенные выражения III века хиджри подменили рифмованной прозой, а мы теперь снова со смелостью Саади и Хафиза приступаем к устранению этих окостеневших канонов»²⁰.

Таким образом, М. Бахар находил возможным использовать в современной литературе языковые и стилевые средства тех периодов (с IX по первую половину XI вв.), когда, как определял он впоследствии в своей «Стилистике», язык персидской литературы отличался изящной простотой.

Однако Бахар понимал, что средства эти, как бы богаты они не были, не могут удовлетворить потребностей XX века: время порождает новые идеи, новые понятия, для выражения которых необходимы новые слова и выражения. Поэтому он предлагал восполнить данный пробел, используя средства народного разговорного языка: «Необходимо, по мере возможности, выражать новое содержание общедоступным языком, обновленными классическими словами и выражениями, а в случае их недостаточности— коренными словами «рынка» или же словами, значение которых выяснено, либо не так уж затуманено»²¹.

Вопреки распространенному в то время в кругу литераторов чрезмерному пуризму, Бахар считал, в случае необходимости, возможным заимствование слов из иностранных языков. В качестве примера он упоминал слово «автомобиль», вместо которого в печати и в литературе часто употреблялось персидское искусственно звучащее слово (гярдунейе атешин) — «огненный двигатель»²².

Необходимость обновления и упрощения языка персидской литературы Джамал-заде обосновывал обновлением ее содержания. Полемизируя с консерваторами, которые сопротивлялись всякому обновлению, он писал: «...отказ от новых слов, удовлетворение одними старыми для обозначения новых явлений походит на то, как если бы кто пытался надеть сорочку грудного младенца на крепкосложенного мужчину»²³.

Джамал-заде находил, что обогащение языка надо проводить в более широких масштабах.

Он считал, что не надо ограничиваться только его пополнением словами разговорной речи и языка «рынка» и разных диалектов, а применять пословицы, поговорки, богатые народные выражения. В этом Джамал-заде видел средство сделать язык литературы гибким, способным выражать не только новые явления, но и тонкие смысловые детали.

М. Джамал-заде последовательно придерживался этих взглядов в литературной практике. В своем рассказе «Фарси шекар аст» он образно, средствами сатиры пока-

¹⁹ М. Джамал-заде, Были и небылицы, М., 1936, предисловие автора, стр. 26.

²⁰ См. статью Бахара «О наших целях», журн. «Данешкаде», 1918, № 3, стр. 123.

²¹ Журн. «Данешкаде», 1918, № 5, стр. 233.

²² Там же, стр. 234.

²³ М. Джамал-заде, Были и небылицы, предисловие автора, стр. 26.

зал, как вследствие усложненности арабизмами, иностранными словами персидского языка иранцы испытывают трудности при общении друг с другом, не понимают один другого.

Чтобы устранить эти недостатки, Джамал-заде считал необходимым стимулировать развитие прозаических жанров, которые, как он указывал, в отличие от традиционных поэтических жанров представляют более широкие возможности для использования богатства средств народного персидского языка.

«Только в романе, т. е. в прозаических жанрах,— писал он,— будь они в виде отдельных книг, драм или писем и т. д., могут действительно быть применены все слова, выражения, поговорки, термины, различные словосочетания и диалекты одного языка и даже их произношение отдельными слоями и группами народа, тогда как в старых (классических), научных и других произведениях этого сделать нельзя»²⁴.

Следовательно, реформаторы в основном правильно представляли себе и пути обновления языка персидской художественной литературы, исходя из необходимости демократизации литературы, стремления к сближению ее с жизнью и подчинения задачам служения общественным целям.

Обсуждая пути осуществления литературных преобразований, реформаторы пришли к мысли, что в этом деле важное значение может иметь литературная учеба, учеба мастерству на примере лучших произведений зарубежной литературы.

С этой целью ими была проделана широкая литературоведческая и переводческая работа (особенно членами общества «Данешкаде»).

Так, главным пунктом устава деятельности общества «Данешкаде» считалось «изучение и перевод поэтических и прозаических произведений зарубежной литературы с целью повышения идейного уровня членов (общества) и совершенствования их мастерства»²⁵.

В течение одного года существования (1918—1919) журнала «Данешкаде» на его страницах были опубликованы переводы произведений французских и немецких классиков—Гете, Буало, Пируса, басни Лафонтена, драма Шиллера «Дон Карлос», отрывки из «Божественной комедии» Данте и многие другие.

В журнале «Данешкаде» впервые в Иране появились переводы новеллистических произведений А. Доде, Ф. Копье, Ж. Ж.-Руссо и других (переводчики М. Бахар, С. Нафиси).

Следует отметить, что в переведенной литературе большую долю составляла проза. Прозой переводились и стихотворные произведения, причиной чего, по-видимому, было то, что переводчики не находили нужных способов и размеров для передачи разнообразных и непривычных форм европейской поэзии.

В 20-х годах на страницах газеты «Шафаге сорх» встречаются переводы нескольких рассказов Г. Мопассана, В. Гюго, А. Франса, перевод рассказа Л. Толстого «Иванушка-дурачок» и другие, часто печатались переводы и в журнале «Ираншахр».

Интересно отметить, что в эти годы встречаются также переводы произведений поэтов и писателей Востока, а именно арабских и турецких авторов.

Так, журнал «Армаган» публиковал произведения турецкого писателя Ушаги-заде Халида Зии и арабских прозаиков Дж. Джебрана, Хосейна Масрура и др.

Но литераторы-реформаторы сознавали, что без достаточных теоретических знаний и осмысления литературных процессов учеба невозможна. И поэтому они прилагали большие усилия для восполнения этого пробела». В разных журналах ими были напечатаны многочисленные статьи литературоведческого характера.

В журнале «Данешкаде» под рубрикой «Литературная революция» периодически печатались статьи М. Бахара, Р. Керманшахи, С. Нафиси и Р. Ясеми о французской литературе и театре. В них авторы статей знакомили иранцев с основными этапами раз-

²⁴ М. Джамал-заде, *Иеки буд ва неки набуд*, Берлин, 1921, предисловие, стр. 9.

²⁵ «Данешкаде», 1918, № 1, стр. 1.

вития французской культуры, обсуждались предпосылки и обстоятельства, обусловившие обновление литературы и театра.

Со статьями теоретического характера «Влияние среды на литературу», «Форма и содержание», «Хорошие стихи» и др. в журнале выступал М. Бахар. В них автор раскрывал закономерности литературного процесса, рассматривал проблемы ее формы и содержания.

Ряд статей по истории персидской литературы опубликовал в «Данешкаде» и А. Аштиани. В своих статьях А. Аштиани делил историю персидской литературы на три периода: период до арабского владычества, период расцвета литературы при Саманидах и третий—последующий период. А. Аштиани использовал материалы известных европейских востоковедов Э. Броуна, Г. Эте.

Со статьями о персидской поэзии на страницах журнала «Армаган» выступали А. Экбал, Р. Ясеми, В. Дастгарди, С. Нафиси и другие, ставшие впоследствии известными критиками.

Значение литературоведческих статей иранских литераторов заключалось в том, что в них делались первые попытки осмыслить отдельные этапы и явления персидской литературы с новых позиций, с учетом достижений европейского литературоведения.

Эти статьи развенчали существовавшие в Иране взгляды на литературу, лишь как на предмет забавы и наслаждения, способствуя тем самым внедрению новых, передовых взглядов на литературу, как на важный фактор, содействующий прогрессу и процветанию иранского общества.

Однако реформаторские идеи сторонников обновления персидской литературы претворялись в жизнь очень медленно, а усилившаяся в конце 20-х годов реакция в Иране тормозила развитие прогрессивных начинаний персидских литераторов. Но их полезная деятельность подготовила почву для дальнейшего развития литературы и литературоведения нового типа.